

«Запрещённые» дни в 1917 году

Пётр Гордеев

The «forbidden» days in 1917

Petr Gordeev (Hertzen State Pedagogical University of Russia)

После Февральской революции в российском театральном мире оживлённо толковали об отмене или пересмотре списка дней, в которые ранее по религиозным соображениям воспрещалось давать спектакли. В марте–апреле 1917 г. в театральной периодике начало «запрещений» порою возводилось ко временам Павла I¹, хотя в действительности ещё 25 июня 1770 г. в указе Екатерины II «О привилегии, данной купцу Поше на учреждение Французского театра в С. Петербурге» повелевалось, «чтоб накануне табельных праздников ни спектаклей, ни маскарадов не было... давать ему всякую неделю три зрелища или больше, во все дни, кроме Великих постов, да и накануне праздничных дней оных зрелищ отнюдь не производить»². Таким образом, запреты на спектакли во время поста и накануне церковных праздников вводились практически одновременно со становлением театрального дела в России. При Павле I законодательство только ужесточилось. 22 декабря 1796 г. император воспретил давать «вольные спектакли» «во весь Великий пост и во всю неделю Святыя Пасхи, во весь Успенский пост, за две недели до Рождества Христова и до 28 декабря, в день Воздвижения Креста Господня, в день усекновения главы святого Иоанна, накануне Богоявления Господня и во все субботы; Оратории же духовые в течение Великого поста кроме первой и последней недели давать позволить»³.

В XIX в. количество «запрещённых» дней неоднократно менялось. Резкое их уменьшение при Александре II сменилось очередным увеличением (под влиянием К.П. Победоносцева) при Александре III⁴. Наконец, последняя корректировка законодательства произошла 2 июня 1900 г., когда Николай II утвердил постановление Комитета министров, изменявшее закон о публичных зрелищах. Отныне «всякие общенародные забавы и общественные увеселения, в том числе театральные представления, концерты, маскарады и разные зрелища» запрещались «в сочельник (рождественский) и в день праздника Рождества Христова, накануне двенадцатых праздников и дня усекновения главы Иоанна Предтечи, в первую, четвёртую и страстную недели, а также в первый день (воскресенье) второй недели (неделя Православия) и субботу третьей недели Великого поста, в Вербное воскресенье, в первый день Святой Пасхи и

© 2015 г. П.Н. Гордеев

¹Ф.А. Корш о спектаклях постом и накануне праздников // Новости сезона. 1917. 21–22 марта; В. П–в. Историческая справка о запрещённых для театра днях // Театр и искусство. 1917. № 15. С. 234–235.

²ПСЗ-I. Т. 19. № 13477. С. 77.

³Там же. Т. 24. № 17674. С. 248–249.

⁴В. П–в. Указ. соч. С. 235; ПСЗ-II. Т. 8. Отд. 1. СПб., 1834. № 5937. С. 51; Т. 51. Отд. 1. СПб., 1878. № 55567. С. 115; Т. 53. Отд. 2. Дополнение к Т. 50. № 55420а. С. 16 (2-я паг.).

дни воздвижения Креста Господня и усекновения главы Иоанна Предтечи»⁵. Эта норма действовала вплоть до революции и вошла в изданный в 1916 г. «Устав благочиния и безопасности» (ст. 293)⁶. Однако к императорским театрам данное постановление начало применяться только с 1906 г., после длительной переписки между директором театров В.А. Теляковским, министром Двора В.Б. Фредериксом и синодальным ведомством⁷.

Таким образом, к Февралю 1917 г. «запрещёнными» для спектаклей считались 39 дней в году, в том числе 33 дня⁸ в период театрального сезона, традиционно начинавшегося в императорских театрах 30 августа и заканчивавшегося 30 апреля. Кроме того, на казённой сцене не было спектаклей 1 марта и 20 октября – в дни смерти Александра II и Александра III⁹, но о сохранении данных запретов после Февральской революции, разумеется, речи не шло.

Наличие «запрещённых» дней затрагивало интересы как императорских, так и частных театров. Поскольку последние, не получая жалованья от казны, в гораздо большей степени нуждались в деньгах, вырученных от продажи билетов, неудивительно, что именно их представители в первые дни после переворота стали добиваться отмены или сокращения списка «запрещённых» дней, которые для театров были экономически невыгодны. На собрании представителей петроградских частных театров, состоявшемся 5 марта в помещении «Палас-театра» под председательством известного театрального деятеля А.Р. Кугеля, большинство в принципе высказалось за открытие спектаклей на 4-й (Крестопоклонной) неделе Великого поста (в 1917 г. она приходилась на 5–11 марта; кроме того, к числу «запрещённых» дней относилось и 4 марта – суббота третьей недели поста). При этом говорилось, что запрещение игры в это время последовало относительно недавно, в 1881 г., по инициативе К.П. Победоносцева¹⁰. Собравшиеся избрали делегацию (в неё вошли Кугель и директор театра «Музыкальная драма» Ю.А. Мальшев) «для ознакомления с видами правительства на этот счёт». Однако из-за угрозы «возможных эксцессов со стороны толпы», отсутствия организованной охраны театров и затруднительности ночного сообщения было решено всё же «отсрочить открытие спектаклей» до 11 марта¹¹.

⁵ ПСЗ-III. Т. 20. Отд. 1. СПб., 1902. № 18725. С. 591.

⁶ Свод законов Российской Империи. Т. XIV. Устав благочиния и безопасности. Пг., 1916. С. 59.

⁷ Теляковский В.А. Императорские театры и 1905 год // Теляковский В.А. Воспоминания. Л.; М., 1965. С. 333; *он же*. Дневники Директора Императорских театров. 1903–1906. Санкт-Петербург. М., 2006. С. 662; РГИА, ф. 472, оп. 50, д. 1662, л. 67.

⁸ Иногда их могло быть 32, если канун Благовещения (24 марта) совпадал с одним из «запрещённых» дней Великого поста, или 34, если Пасха выпадала на 22 (наиболее ранний возможный срок) или 23 марта, и Вознесение праздновалось соответственно 30 апреля или 1 мая, а предшествующий день становился «запрещённым».

⁹ РГИА, ф. 497, оп. 10, д. 1360, л. 84а об.–84б.

¹⁰ Интересно, что «запрещения» на четвёртой неделе считал тогда ненужными и один из наиболее видных представителей епископата своего времени – харьковский архиепископ Антоний (Храповицкий): Слухи и факты // Театральная газета. 1917. 19 марта.

¹¹ Собрание антрепренёров и артистов // Петроградская газета. 1917. 7 марта; Театр и музыка // Речь. 1917. 8 марта; Театр в революционные дни. Петроград // Театр и искусство. 1917. № 10–11. С. 190. 10 марта должны были состояться похороны жертв революции, и театры хотели открыть после этого торжественного и траурного события. Когда день похорон был перенесён с 10 на 23 марта, антрепренёры частных театров обратились к общественному градоначальнику с просьбой допустить всё же проведение спектаклей 11 марта (Возобновление спектаклей // Речь. 1917. 9 марта). Открытие частных театров, состоявшееся в этот день, уже являлось нарушением действовавшего законодательства, поскольку это была суббота 4-й недели поста (Открытие частных театров // Петроградская газета. 1917. 12 марта). Государственные театры открылись в Петрограде 12 марта, а в Москве – 13-го.

В Москве театральная жизнь замерла 1 марта из-за революционных событий, но уже 2-го числа некоторые частные театры давали представления, а 3-го открылись и государственные (бывшие императорские)¹². Однако следующий день относился к числу «запрещённых», и созванный 4 марта Советом Русского театрального общества съезд сценических деятелей единогласно постановил: «Признавая в принципе, что в силу декларации временного правительства все полицейские запрещения, тяготевшие доныне над театром, пали, всё же собрание, по соображениям данного момента, решило на текущей 4-й неделе Великого поста спектаклей не давать и о таком решении уведомить провинциальные театры». Когда же некоторые московские частные театры (например, известный театр Ф.А. Корша, театры миниатюр Я.Д. Южного, «Жар-птица», «Новый театр П.В. Кохманского», а также ряд кинематографов) попытались проигнорировать это постановление и начать спектакли, съезд обратился к помощи милиции и вынудил «ослушников» подчиниться¹³. Артисты самого значительного частного театра России – МХТ – даже обратились к своим петроградским коллегам со специальным посланием, призывая их не возобновлять спектакли на Крестопоклонной седмице¹⁴.

Новый всплеск внимания к «запрещённым» дням произошёл 24 марта, накануне Благовещения, когда некоторые частные театры Петрограда объявили спектакли, что по действовавшим законам не допускалось. Однако показать их удалось не всем. Так, в театре С.Ф. Сабурова рабочие «отказались, ввиду кануна большого церковного праздника Благовещения, переставлять декорации»¹⁵. По той же причине представление не состоялось в театре «Музыкальная драма». В то же время «Палас-театр» и Литейный театр работали, несмотря на протесты милиции. Милиционеры явились и в «Фарс А.С. Полонского», но, «после переговоров с местной администрацией, разрешили закончить первую серию»¹⁶. В Москве 25 и 26 марта шли спектакли в театрах Ф.А. Корша, С.И. Зиминой, Я.Д. Южного, П.В. Кохманского. Как отмечалось в прессе, сборы в эти дни были «битковые»¹⁷.

Страстная неделя также оказалась для театрального сообщества России неспокойной. Сперва петроградский общественный градоначальник В.А. Юревич опубликовал в газетах извещение о том, что «согласно существующему закону, а также в видах удовлетворения религиозных требований населения, всякие увеселения в столице не могут быть допускаемы с 6 час. вечера 25 марта вплоть до

¹² Московские театры в дни революции // Новости сезона. 1917. 12–13 марта.

¹³ Театральное общество // Русское слово. 1917. 5 марта; В Москве // Театр и искусство. 1917. № 10–11. С. 191; Московские театры в дни революции // Новости сезона. 1917. 12–13 марта.

¹⁴ У рампы // Биржевые ведомости (вечерний выпуск). 1917. 8 марта.

¹⁵ Технический персонал получал обычно фиксированный оклад и совершенно не был заинтересован в увеличении рабочего времени. Наряду с достаточно сильной ещё народной религиозностью, это делало театральных рабочих сторонниками сохранения «запрещённых» дней в неизменном виде. Побывав 21 марта на их собрании в Малом театре, московский журналист недоумевал: «Наиболее странное постановление касается 24, 25 и 26 марта. По старым полицейским правилам в эти дни играть не разрешалось. Ныне, с падением клерикально-полицейских запретов, казалось бы, и воспользоваться двумя праздничными днями. Между тем на митинге постановлено не работать в эти дни и поддержать старые полицейские правила своими средствами» (Московские вести // Театр и искусство. 1917. № 13–14. С. 240).

¹⁶ Вчерашние инциденты в театрах // Петроградская газета. 1917. 25 марта; Прекращение спектаклей // Петроградский листок. 1917. 25 марта; Хроника (слухи и вести) // Театр и искусство. 1917. № 13–14. С. 239.

¹⁷ Москва // Театральная газета. 1917. 2 апреля.

первого дня Пасхи включительно»¹⁸. Но уже через день он разрешил «работать театрам и кинематографам до вторника Страстной недели включительно, при условии соглашения владельцев предприятий с своими служащими»¹⁹. Тем самым в течение месяца Юревич уже второй раз (после разрешения открыть частные театры 11 марта) санкционировал нарушение не отменённого Временным правительством, а значит действовавшего закона, что, конечно, находилось за пределами его компетенции. Примечательно также, что большинство частных театров (не говоря уже о государственных, в которых спектаклей не было) не смогли воспользоваться разрешением либерального «общественного градоначальника», поскольку рабочие, как сообщали «Биржевые ведомости», «категорически отказались работать на Страстной неделе»²⁰. В Москве игнорировать запрет решились лишь некоторые театры миниатюр («Мозаика», Петровский театр, театр Ф. Бекефи), однако это было пресечено властями ввиду «особого заявления представителей московского купечества о недопущении зрелищ на Страстной неделе»²¹. Впрочем, именно там в скором времени произошёл вопиющий случай, когда в «Новом театре П.В. Кохманского» (прославившемся скандальной постановкой «Леды» А.П. Каменского, где главную роль играла обнажённая актриса²²) представление состоялось непосредственно в день Пасхи – главного православного праздника²³.

Театральное сообщество тем временем предпринимало попытки добиться официальной отмены хотя бы части «запрещённых» дней. В конце марта 1917 г. на общем собрании петроградского Союза музыкальных и драматических писателей рассматривалась записка, составленная его правлением для Комиссии по ликвидации Главного управления по делам печати. В ней предполагалось оставить только 5 «запрещённых» дней в году – Сочельник, Рождество, Великую Пятницу, Великую Субботу и Пасху. При этом позиции присутствующих, как отмечал бывший на заседании Кугель, «довольно резко разошлись»: «По мнению одних, таких дней должно быть гораздо больше, по мнению других, при свободе совести, понимаемой в широком значении этого слова, вообще не должно существовать никаких регламентаций, вопрос же надлежит представить обычному праву, местным условиям и т. под.»²⁴.

Споры о «запрещённых» днях шли и в театральной периодике. Так, в передовой статье первого же послереволюционного выпуска «Театра и искусства» категорически заявлялось: «Театр должен быть освобождён от клерикальных и церковных ограничений в отношении поста и канунов двенадцатых праздников. Должно уважать религиозные чувства, но не следует их навязывать силою. Кто постом считает за грех ходить в театр – тот и не пойдёт»²⁵. На страницах

¹⁸ Прекращение увеселений с 25-го марта до Пасхи // Петроградская газета. 1917. 25 марта. Юревич также разрешил петроградским антрепренёрам давать спектакли 2 апреля, в первый день Пасхи, «в случае соглашения между антрепренёрами и служащими» (Эхо // Биржевые ведомости (вечерний выпуск). 1917. 31 марта). Впрочем, свидетельств о каких-либо спектаклях в Петрограде в этот день обнаружить не удалось.

¹⁹ Со среды, 29 марта театры закрываются // Петроградская газета. 1917. 26 марта.

²⁰ У рампы. Эхо // Биржевые ведомости (вечерний выпуск). 1917. 29 марта. В частности, в эти дни не давали спектакли «Палас-театр», Троицкий театр, театр К.Н. Незлобина (Часть театров прекратила спектакли // Петроградская газета. 1917. 28 марта).

²¹ Закрытие театров // Раннее утро. 1917. 28 марта.

²² Родя. [Менделевич Р.А.] Арабески // Театр. 1917. 30 апреля – 1 мая.

²³ Спектакль в Светлое Воскресение // Там же. 7–8 апреля.

²⁴ Н.Н. [Кугель А.Р.] Обсуждение вопросов театр[альной] цензуры // Театр и искусство. 1917. № 13–14. С. 230.

²⁵ Великая русская революция и театр // Там же. № 10–11. С. 188.

«Обозрения театров» (причём в номере, вышедшем в день Пасхи) известный театральный критик Э.А. Старк возмущался духовенством, которое «проявляло по отношению к театру особенный задор»: «Сколько пролито было чернил в борьбе за свободу театра и против посягательств на него именно со стороны духовенства не далее как минувшей зимою, когда всевозможные черносотенные походы на театр почему-то особенно усилились! “Сосуд диавольский” не давал им покоя. Разбить бы!»²⁶.

Однако звучали и иные голоса. «Неужели столь долгожданная свобода дана народу для того, чтобы попирали законы Божии? – обращался в апреле 1917 г. к коллегам по профессии актёр И.П. Гогин, призывавший артистов “подать свои голоса, раз навсегда, за отмену всяких увеселений на Страстной неделе”. – Неужели с наступившей желанной свободой искусство должно превратиться в порнографию? С болью в сердце приходится констатировать, что всюду встречаешь объявления: “Сенсационная картина: Распутин с Александрой Фёдоровной в интимных отношениях” и т.д. Для предпринимателей это выгодно, но неужели для первых великих свободных дней нельзя было отодвинуть выгоду и порнографию на задний план, а радоваться, что Бог помог разорвать тяжёлые оковы, давившие веками человечество?». «Страстная седмица, – напоминал Гогин, – установлена не бывшим монархическим правлением, а верующим христианским народом, в знак страдания Иисуса Христа. В такие великие молитвенные дни возможно ли оскорблять чувства религиозных людей постановками разных “Чёрных воронов”, Распутиных и т.д. Нет! Не верю я, чтобы истинный христианин мог в такие дни изрыгать из уст своих пошлости, когда хочется молиться, молиться без конца за страдания Великого Учителя»²⁷.

Вскоре это весьма эмоциональное обращение поддержал уполномоченный Русского театрального общества Ф.В. Синецын. «Протест г. Гогина по поводу допущения спектаклей на Страстной неделе Велик[ого] поста не единственный, но высказан пока единолично», – отмечал он. «Одни мы, боясь прослыть отсталыми, в желании опередить Запад, ломаем и сокрушаем все политические и религиозные устои, – сетовал Синецын, указывая, что во всех мировых религиях имеются и строго соблюдаются дни поста. – ...Куда уж тут до актёрских религиозных верований, а если даже не верований, то уважения к дням страдания Христа, который дал миру христианство и все блага культуры, сопряжённые с христианским учением». «Знают ли инаковерующие, что далеко не всеми сценич[ескими] деятелями одинаково принято разрешение спектаклей Великим постом? – спрашивал уполномоченный своих оппонентов. – Да, этим разрешением было удовлетворено гражданское правосознание, но провинциальные артисты говорили и так: “Нас лишили актёрских каникул, актёрского отдохновения постом”... Культурные христиане, дайте же артисту одну неделю отдыха на Страстной неделе! Да и не отдых это, т.к. артист в эти дни готовит праздничный репертуар. А на Страстной с четверга отдыхают все, все хлопочут встретить лучше великий праздник христианской весны: потом все празднуют, все обжираются, ходят и ездят по знакомым и тоже едят, а русский артист-гражданин подобно легендарному Марку: “ты, Марко, грай!”»²⁸.

²⁶ Старк Э. Христос Воскресе! // Обозрение театров. 1917. 2–3 апреля.

²⁷ Гогин И. Письмо в редакцию // Театр и искусство. 1917. № 16. С. 261.

²⁸ Синецын Ф. «А ты, Марко, грай!» (По поводу письма артиста И.П. Гогина). Письмо в редакцию // Театр и искусство. 1917. № 21. С. 359.

На исходе весны 1917 г. в борьбу за сокращение списка «запрещённых» дней включились представители государственных театров, обладавшие, в отличие от частных антрепренёров, гораздо большими организационными возможностями. 22 мая 1917 г. управляющий оперной труппой Мариинского театра А.И. Зилоти представил главноуполномоченному комиссара Временного правительства над бывшим Министерством двора (МИДв) по государственным театрам Ф.Д. Батюшкову краткую служебную записку, в которой говорилось: «Следовало бы, в порядке управления, определить дни, в которые во всех государственных театрах не должно быть спектаклей, а именно, 23, 24 и 25 декабря, 1-й день Пасхи и Страстная неделя, начиная с понедельника»²⁹.

Вероятно, Батюшков считал нужным подробнее обосновать эти предложения, и 29 мая Зилоти направил ему пространное служебное письмо, уговаривая «ходатайствовать перед комиссаром над б[ывшим] Министерством Двора об обращении к обер-прокурору Св. Синода В.Н. Львову с просьбой о том, чтобы Св. Синод в самый ближайший срок пересмотрел и обновил перечень дней, в которые театральные представления запрещаются». Как указывал Зилоти, подобные запреты означают «для наших государственных театров недобор – считая сборы Мариинского, Александринского и Михайловского театров – около 268 000 руб.». «Если к этим суммам, – продолжал он, – ...прибавить недобор московских государственных театров и всех театров России, то получатся баснословные цифры убытка не только для деятелей искусства, но – что для государственной кассы весьма важно – и громадное уменьшение казённого дохода с военного налога». Поэтому, полагал управляющий оперной труппой, «принимая во внимание, с одной стороны, дарование полной свободы совести, с другой – религиозное чувство православных людей, было бы желательно предложить Св. Синоду сократить число “запрещённых дней” до десяти». «Не подлежит сомнению, – заключал Зилоти, – что все вновь возникшие союзы: сценических деятелей, музыкантов, оркестрантов, хористов и т.п. будут энергично восставать против прежнего количества “запрещённых дней” и мне думается, что именно государственные театры имеют гражданское обязательство *первыми* предпринять шаги к сокращению запрещённых для театральных представлений дней»³⁰.

В свою очередь, обращая 7 июня к комиссару Временного правительства над бывшим МИДв Ф.А. Головину, Батюшков писал: «Ввиду поднятого печатью и общественными кругами вопроса о предполагаемом разделении Церкви и государства, возникает также вопрос о пересмотре дней, когда спектакли до сего времени были безусловно воспрещены. Уже в настоящее время отступления в частных театрах стали весьма обычны и является настоятельная необходимость точно определить для будущего сезона, в какие именно дни спектакли в государственных театрах не будут допущены». При этом он отмечал, что «об этом сделаны запросы художественно-репертуарными комитетами всех трупп». Упомянув о предложениях Зилоти, главноуполномоченный, занимавший более осторожную позицию, добавил: «Считая вполне правильным значительное сокращение дней, когда спектакли воспрещены, не решаюсь всё же внести конкретное предложение без заключения Святейшего Синода, так

²⁹ РГИА, ф. 497, оп. 18, д. 344, л. 1. Канун Сочельника (23 декабря) А.И. Зилоти включил в список «запрещённых» дней по ошибке. В позднейших записках Зилоти о 23 декабря уже не упоминалось.

³⁰ Там же, л. 2–4. Курсивом выделены слова, подчёркнутые в документе.

как провозглашённая свобода вероисповедания ещё не упраздняет преимущественного значения у нас Православной Церкви». Поэтому Батюшков просил комиссара «войти в сношение с Святейшим Синодом по вопросу об установлении тех дней в году, в которые спектакли в государственных театрах не будут допущены»³¹.

Головин переслал отношение Батюшкова начальнику канцелярии бывшего МИДв С.В. Гагарину с пометкой «исполнить»³². Вскоре было составлено два варианта отношения к обер-прокурору Св. Синода. В первом из них прямо указывались дни, которые, по предложению Зилоти, следовало вычеркнуть из списка «запрещённых»³³, однако Головин предпочёл использовать более обтекаемые формулировки. «Главноуполномоченный по государственным театрам Ф.Д. Батюшков, – говорилось в его отношении 16 июня, – ссылаясь на возбуждение прессою и общественными кругами вопроса о пересмотре дней, когда зрелища безусловно воспрещены, и считая значительное сокращение таковых дней вполне правильным, обратился с ходатайством об установлении тех дней в году, в которые спектакли в государственных театрах не будут допущены». До внесения же вопроса на рассмотрение правительства Головин просил Львова «не отказать в сообщении Вашего по сему делу отзыва»³⁴.

24 июня Львов сообщил членам Св. Синода о запросе Головина³⁵. В тот же день Зилоти лично обратился в Синод, прося его членов «срочно обсудить, не будет ли признано возможным сократить число запрещённых дней до 10». Приводя те же доводы, о которых ранее писал Батюшкову, Зилоти полагал, что «человек, которому его религиозное чувство не позволяет идти в театр, не пойдёт в театр и без какого-либо запрещения»³⁶.

1 июля, не дожидаясь ответа из Синода, Зилоти официально обратился к управляющему МВД Д.М. Щепкину, убеждая его в убыточности «запрещённых» дней для театров и целесообразности сокращения их числа (на этот раз – до 9 дней)³⁷. Щепкин ограничился тем, что переслал 5 июля копию обращения Зилоти Львову, после чего она оказалась в Канцелярии Синода³⁸. Но уже 2 июля газетчики заговорили о поступивших в МВД предложениях. «Несомненно, – сочувственно писал автор анонимной заметки в “Новом времени”, – что и государственный контролёр, и директора частных театров всецело присоединятся к ходатайству г. Зилоти»³⁹.

Между тем журнал «Театр и искусство» высказывался гораздо критичнее: «Г. Зилоти несколько странно мотивирует своё ходатайство – тем, что при прежнем числе запрещённых дней недобор по казённым петроградским театрам составлял 265 000 р. На это можно было бы возразить многое, и в первую голову, что ни в одной стране нет такого безобразно-долгого перерыва летом, как

³¹ Там же, ф. 472, оп. 50, д. 1662, л. 63–63 об.

³² Там же, л. 63.

³³ Там же, л. 64–64 об.

³⁴ Там же, л. 68.

³⁵ Там же, ф. 796, оп. 204, отд. VI, ст. 3, д. 138, л. 2.

³⁶ Там же, л. 11–11 об.

³⁷ Там же, л. 4–4 об. В список не был включён канун Сочельника, который и не был «запрещённым». Кроме того, Зилоти несколько уточнил сумму убытков петроградских государственных театров за 23 дня простоя – не 268, а 265 тыс. руб., а также «около 25 тысяч рублей военного налога» (Там же, л. 4).

³⁸ Там же, л. 3.

³⁹ Театр и музыка // Новое время. 1917. 2 июля.

в наших казённых театрах, и “демократическое” правительство почти ничего не изменило в этом порядке». Редакция, в принципе поддерживавшая отмену «запрещений», на этот раз призывала к осторожности: «Что касается самого вопроса о сокращении числа дней, когда не полагается играть, то с ним лучше не спешить... Нельзя упускать из виду, что известная часть артистов глубоко религиозна, и что необходимость играть в некоторые дни может вызвать у этой части подавленное настроение»⁴⁰.

При этом если в марте–апреле 1917 г. в печати господствовали голоса сторонников отмены «запрещённых» дней, то летом всё чаще начинают выступать их защитники. Так, в «Обзрении театров» К.Ф. Лебедев хвалил театральную администрацию за то, что она решила действовать «в согласии с Синодом»: «Мы всецело одобряем корректный шаг управления гос[ударственных] театров, ибо стоим на той точке зрения, что добытая свобода никоим образом не должна превращаться в грязное, возмущающее своей бесцеремонностью самовольство». Журналист не сомневался в том, что «запрещённые» дни «должны быть сохранены, если только они коренятся в мотивах чисто религиозного свойства. Нужно быть очень осторожным, подходя к вопросам народной совести. Всякие посягательства улицы в этом направлении должны быть самым решительным образом отвергнуты»⁴¹.

Тем временем лето подходило к концу, открытие сезона приближалось, а Синод не отвечал на запросы Зилоти и Головина. Скорее всего, его члены, занятые подготовкой к открытию Поместного собора, просто не имели времени для обсуждения театральных распоряжений или считали более благоразумным тянуть с ответом, не давая согласия на сокращение «запрещённых» дней, но и не вступая в открытое противостояние с представителями правительства.

Однако возникающая неопределённость ставила руководителей театров в затруднительное положение. 6 июля уполномоченный по московскому Большому театру и Театральному училищу Л.В. Собинов обратился в бывший Кабинет Его Величества с запросом о том, «будут ли спектакли на первой и четвёртой неделях Великого поста и в пятницу, субботу и воскресенье на 6-й неделе», а также накануне двенадцатых праздников⁴². На его обращение Батюшков 1 августа наложил резолюцию: «Ответить, что вопрос возбуждён, но от нового “Министерства духовных дел” заключения не имеется»⁴³. Со своей стороны Батюшков 23 августа просил Гагарина «ввиду близости открытия сезона... оказать содействие к ускорению разрешения этого вопроса»⁴⁴. Впрочем, Гагарин вряд ли мог чем-то ему помочь: 25 августа, напомнив о том, как велась переписка, он констатировал, что «ответа до настоящего времени в б[ывшее] Министерство Двора не поступало»⁴⁵. Тогда Батюшков 28 августа уведомил Гагарина, что он «признавал бы весьма желательным повторение запроса с просьбою об ускорении ведомством православного исповедания ответа»⁴⁶. 31 августа Канцелярия бывшего МИДв обратилась в Департамент по делам Православной Церкви Министерства исповеданий, прося «ускорить ответом по возбуждённому вопросу, ввиду громадного значения, с точки зрения бюджетных соображений, скорейшего раз-

⁴⁰ Театр и искусство. 1917. № 28–29. С. 487.

⁴¹ Казль [Лебедев К.Ф.] Запрещённые дни // Обзрение театров. 1917. 13–14 августа.

⁴² РГИА, ф. 497, оп. 18, д. 344, л. 7.

⁴³ Там же, л. 8.

⁴⁴ Там же, ф. 472, оп. 50, д. 1662, л. 72.

⁴⁵ Там же, л. 73.

⁴⁶ Там же, л. 74.

решения сего дела»⁴⁷. 7 сентября это отношение с пометкой «срочно» поступило в канцелярию Св. Синода⁴⁸. Между тем театральные сезоны уже начались, и в «запрещённые» дни – 7 (канун Рождества Богородицы), 13 и 14 сентября (канун Воздвижения Креста Господня и сам праздник) государственные театры, как и прежде, не работали, а частные поступали по собственному усмотрению: некоторые давали спектакли, некоторые – нет⁴⁹.

Наконец, 12 октября члены Св. Синода сформулировали свою позицию⁵⁰. «Принимая во внимание, что а) необходимость в новом точном определении дней, в кои не будут допущены представления в государственных театрах, вызывается, по объяснению главноуполномоченного по этим театрам, ставшими в настоящее время весьма обычными отступлениями в частных театрах от установленного действующими законоположениями порядка, б) что в основание к сокращению числа дней, в кои должны быть воспрещены театральные представления, выставляются соображения о связанном с этим увеличением доходности театров и в) что, с другой стороны, к Святейшему Синоду обращаются с просьбами о принятии мер к возможному в настоящие тяжёлые и грозные для отечества и народа години войны и государственных нестроений ограничению общественных увеселений, с закрытием мест таковых увеселений под все праздники», иерархи не усмотрели «оснований к изменению действовавших до сего времени законоположений (Высочайше утверждённое 2 июня 1900 г. положение Комитета министров) относительно дней, в кои воспрещаются всякие общественные забавы и общественные увеселения, в том числе театральные представления, концерты, маскарады и разные зрелища». В соответствии с этим Синод постановил «предоставить г. министру исповеданий: 1) уведомить комиссара Временного правительства над бывшим Министерством Двора о таковом отзыве Святейшего Синода и 2) войти к министру внутренних дел с ходатайством о принятии надлежащих мер к недопущению отступлений в частных театрах и др. мест[ах] увеселений от правил, основанных на вышеприведённом законоположении, о чём, для зависящего исполнения, передать выписку из сего определения в Департамент по делам Православной Церкви»⁵¹.

Вынесенное 12 октября 1917 г. определение Св. Синода стало безусловным поражением сторонников сокращения «запрещённых» дней. Проявив политическую волю, церковные иерархи отказались пойти на компромисс со значительной частью театральных деятелей и с представителями государственной власти. Таким образом, при Временном правительстве закон о «запрещённых» днях изменён не был, хотя фактически он соблюдался уже далеко не всеми. Тем не менее политики явно не спешили что-либо менять и предпочитали дожидаться, пока выскажется Синод, что косвенно свидетельствовало о признании ими высокого авторитета Церкви в обществе.

⁴⁷ Там же, л. 75.

⁴⁸ Там же, ф. 796, оп. 204, отд. VI, ст. 3, д. 138, л. 1.

⁴⁹ Речь. 1917. 7, 13, 14 сентября.

⁵⁰ Данное определение Святейшего Синода (№ 5563) датировано октябрём 1917 г., но на документе имеется канцелярская пометка: «К исполнению пропущено 12 октября 1917 г.» (РГИА, ф. 796, оп. 204, отд. VI, ст. 3, д. 138, л. 9 об.). Следовательно, определение появилось не позднее 12 октября. Но и не ранее, поскольку тем же 12 октября датировано более раннее определение (№ 5561): О совершении поминовения почившего митрополита Московского Филарета в день его кончины 19 ноября сего года // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. 1917. № 43–45. С. 402.

⁵¹ РГИА, ф. 796, оп. 204, отд. VI, ст. 3, д. 138, л. 9–9 об.

Разумеется, после захвата власти большевиками ситуация кардинально изменилась. «Запрещённые» дни остались в прошлом, а церковные праздники утратили прежний правовой статус. Поначалу самим театральным труппам предоставлялось решать, когда им играть. В первые годы после революции газеты сообщали об отсутствии спектаклей на Страстной неделе, основанием для этого служили постановления органов самоуправления артистов⁵². В конце 1920-х гг. давление на Церковь усилилось. И если на Пасху 1928 г. бóльшая часть театров, включая все академические, всё ещё была закрыта, то на следующее Рождество в Ленинграде не работали только академические театры (за исключением БДТ), но и на их сценах давали представления и концерты различные артистические коллективы⁵³. Наконец, в пасхальные дни 1929 г. функционировали уже все театры, представления давались утром и вечером, причём в ночь на Пасху спектакли начинались с 22 часов и имели тот или иной антирелигиозный оттенок⁵⁴.

⁵² Хроника // Обозрение театров. 1918. 23 апреля; Отдых для артистов на Пасху // Жизнь искусства. 1919. 15 апреля; Петроградское Театральное Отделение // Там же. 1920. 3–4 апреля.

⁵³ Программы ленинградских театров с 9 апреля по 15 апреля 1928 года. [Приложение к журналу «Жизнь искусства». 1928. № 15]; Кульптоход ЛОСПС // Жизнь искусства. 1928. № 52. С. 19; Программы с 24 декабря по 30 декабря. [Приложение к журналу «Жизнь искусства». 1928. № 52].

⁵⁴ Работа театров в пасхальные дни // Жизнь искусства. 1929. № 14. С. 14; Не в 7^{1/2}, а в 10 час. вечера // Там же. № 18. С. 20; Программы с 1 по 12 мая. [Приложение к журналу «Жизнь искусства». 1929. № 18].

Репатриация казаков-эмигрантов из Европы в 1920-е гг.

Олег Ратушняк

The Cossack emigrants' repatriation from Europe in the 1920s

Oleg Ratushnyak (Kuban State University, Russia)

Значительные перемены в общественно-политической жизни советского/российского общества в конце 1980-х – начале 1990-х гг. способствовали введению в научный оборот тем, остававшихся ранее вне поля зрения отечественной историографии. Одним из объектов исследований стало Российское зарубежье. В то же время, несмотря на многообразие посвящённых ему публикаций, некоторые аспекты данной проблематики ещё недостаточно раскрыты. Так, репатриация российских эмигрантов почти не освещалась в отечественной историографии¹: первые специальные исследования появились в 2008–2009 гг.², а в ряде общих работ иногда затрагивались лишь некоторые стороны этого вопроса³.

© 2015 г. О.В. Ратушняк

¹ Бочарова З.С. Современная историография российского зарубежья 1920–1930-х годов // Отечественная история. 1999. № 1. С. 91–102; Сабенникова И.В. Российская эмиграция 1917–1939 годов: структура, география, сравнительный анализ // Российская история. 2010. № 3. С. 58–60, 75–77; Пронин А.А. Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980–2005 годов // Там же. С. 101–109.

² Галас М. Еду я на родину... Советская репатриация и её государственно-правовое регулирование // Родина. 2008. № 6. С. 96–98; Симонова Т. Возвращенцы. Репатриация в Советскую Россию до 1925 года // Родина. 2009. № 4. С. 26–29.

³ См., например: Бочарова З.С. Феномен зарубежной России 1920-х годов // Русский мир в XX веке. В 6 т. / Под ред. Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Т. 2. М., 2014.